

A large, multi-tiered, metallic structure resembling a UFO or a space station is hovering in the sky. It has many levels with glowing lights and intricate details. Below it, a person in a spacesuit stands on a rocky, reddish-brown shore, looking up at the structure. The background features a blue sea, rocky islands, and a blue sky with some clouds and smaller spacecraft in the distance.

Хусеин Байрамкулов

Бумажный маяк

Хусеин Байрамкулов

Бумажный маяк

«Автор»

2026

Байрамкулов Х.

Бумажный маяк / Х. Байрамкулов — «Автор», 2026

Человечество вступило в эру великих открытий и снарядило новую экспедицию. На борту корабля наследники, потомки тех, кто помог открыть новые миры. Они летят, гонимые зовом и предвкушением, но никто не знает, что ждёт их в конце пути.

© Байрамкулов Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: КОСМИЧЕСКИЕ НАСЛЕДНИКИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Хусеин Байрамкулов

Бумажный маяк

ПРОЛОГ: КОСМИЧЕСКИЕ НАСЛЕДНИКИ

Мой отец всегда говорил, что космос не может быть тихим и даже не представлял, насколько был прав. Он был полон эха — отзвуков великих открытий, превратившихся в семейное наследие.

На «Ковчеге-7» летели не просто специалисты. Летели живые реликвии.

· Ли Вэй носила в крови штамм «Сомнус» — наследие бабушки, спасшей колонию «Афелий» через симбиоз с чужим вирусом. Она верила, что первый контакт — это акт спасения.

· Йонас Шталь хранил памяти предсмертный шёпот деда-вирусолога, нашедшего смерть в образце с Хлории. Он верил, что космос — это поле невидимой войны, и его долг — защитить.

· Кира Хромова держала в руках янтарный камень, с насекомым с тройной спиралью — открытие её рода, доказавшее, что жизнь рождается дважды. Она верила, что их ждёт чудо иного genesis.

Их объединяло одно: обещание найти источник сигнала. Они верили, что за учащающимся сигналом — 12... 10... 8 секунд — скрывается Великая История.

Они приготовили всё: сыворотки, декодеры, ксеноботанические справочники.

Они приготовились ко всему. Кроме одного — к тому, что их ждало на самом деле.

Их «Ковчег» нёсся сквозь тьму, нагруженный смыслами трёх поколений.

Это началось не со взрыва, а с ледяного щелчка — того самого, что слышен лишь на квантовом уровне, когда гравитационная петля разрывает материю на элементарные нити. У двойной черной дыры, там, где пространство закручено в безумную спираль, цивилизация достигла пика. Она не строила звёздных империй — она вышивала реальность. Её последним творением стал вирус-семя: клубок рибонуклеиновой кислоты, упакованный не в белковую оболочку, а в кристаллическую матрицу пространства-времени. Идеальный архив. Библиотека Александрия в размере нанометра.

Затем — гравитационный шторм. Планета-прародительница, зазевавшись на орбитальной грани, была разорвана приливными силами. Её материя, её память, её последний вздох выстрелили в галактику миллиардами ледяных снарядов. Каждый — капсула. Каждый — завещание.

Статистика, эта безликая богиня вероятностей, сделала своё. Один кристалл упал в тёплый первичный бульон Земли, где его немедленно атаковали кислотные дожди и ультрафиолет. Другой — на планету у багрового гиганта, где год длился пятьсот земных суток, а орбита была вытянута, как крик боли.

Это была не панспермия. Это был космический сад, засеянный одной рукой, но принявшийся по-разному на каждой почве.

Глава I ПЛАНЕТА ЛЕТАРГИЧЕСКОГО СНА

- Пап, а почему нашу планету называли - Афелий.

Профессор Танака оторвал взгляд от смартфона и посмотрел на меня и спросил:

- Каори, а что ты знаешь про нашу планету?

- Звезда — старый, капризный красный гигант, чей свет, смещённый в инфракрасный спектр, окрашивал всё в оттенки кровавой охры и сумеречного пурпура. Год — 500 земных суток. Орбита — не круг, а яйцо. Эксцентриситет такой, что сезоны были не сменами настроения, а сменами реальности.

Отец рассмеялся и сказал:

Ты всегда отвечаешь заученными фразами, как справочник, да на нашей планете лето длится 125 дней, поскольку наш Гелиос висит огромным раскалённым углём в три раза больше привычного солнца. Температура поднимается до +80°C. Атмосфера, у нас насыщенная на 10% азотом больше земной, становилась тягучей, дурманящей, потому и бесконечные шутки, что мы можем опьянеть, просто выйдя на улицу. Растения у нас чёрные, с глянцевыми листьями, отражающими убийственный свет — выпускают споры, которые делают бабах в воздухе искрящимися облаками. Зима так же 125 дней. Планета наша отползает на дальнюю орбиту. Светило уменьшается до тусклой вишнёвой точки. Температура падает до -120°C. Атмосфера сжимается, выпадая в виде розового снега из замёрзшего азота. Вся поверхность превращается в хрустальную пустыню.

Между ними — два коротких, яростных межсезонья по 125 дней, где бесконечные шторма из кристаллической пыли и электрические смерчи.

Ты умна не по годам, Каори. Именно из-за того что планета так далеко отдаляется, её и назвали так. Афелий переводится как «отдаление». Я помню как первый зонд человечества, «Пионер-Сигма», прислал данные. Вывод был однозначен: поверхность — смертельна. Но под ней — стабильный тепловой контур, сеть подземных водоносных слоёв. Геология говорила: можно жить под землёй. А теперь пошли ужинать.

Глава II КОЛОНИСТЫ И РОБОТЫ-КРОТЫ

Люди не послали героев. Они послали инвентарь.

Флот из пятидесяти автоматических «Кротов» вышел на орбиту. Это были не гуманоидные машины — это были промышленные комплексы на гусеницах, с буровыми установками вместо голов и паутиной манипуляторов. Их программировали не на выживание, а на выполнение спецификации.

Они приземлились в геологически стабильном районе, у подножия мертвого вулкана. И начали копать. Не шахты — сразу города.

· Неделя 1: Термальные зонды нашли подземный резервуар с тёплой водой (35°C). Буры направились туда.

· Месяц 1: Сеть туннелей радиусом пять километров. Каркасы из углеродного волокна, наращиваемые как коралловые рифы.

· Год 1: Первый подземный купол диаметром в километр. В его «небе» — светодиодные панели, имитирующие цикл умеренного солнца (12 часов света, 12 темноты). Гидропонные фермы, засеянные земными культурами, уже давали первый урожай салата и картофеля. Система рециркуляции воздуха гудела, как улей.

· Год 5: Город «Афелий-Прим» был готов. Он напоминал не столицу, а безупречно чистый, пустой торговый центр или биосферную станцию. Всё работало. Всё было предусмотрено. Не было лишь одного — случайности.

Именно тогда прилетели люди. Включая меня и мою жену.

Их было пятьсот. Не добровольцы-фанатики, а специалисты по контракту: геологи, инженеры, биологи, медики. Их везли в гипобризе, в капсулах, похожих на коконы. Их разбудили уже под землёй, под искусственным небом купола.

Первое впечатление — восторг. Воздух пах озоном и земной зеленью. Водопад из очищенной воды падал в искусственное озеро. На стенах висели голограммы земных пейзажей.

Глава миссии, доктор Элизабет Кроу, записала в бортовой журнал: «Роботы превзошли все ожидания. Это не аванпост. Это дом. Начинаем План “Укоренение”».

План «Укоренение» предполагал постепенную адаптацию к местной биосфере. Первый шаг — введение в рацион местных растений. Биологи выделили аналог злака — “красный рис” Афелия. Он рос в подземных пещерах у геотермальных источников, питаясь инфракрасным излучением и минералами. Высокопитательный, богатый белком. Прошел все тесты на токсичность. Не содержал известных ядов.

Колонисты начали есть его. Сначала как добавку. Потом как основу.

Все началось с малого. Случайные провалы в памяти у биолога Анны Шоу. Легкий тремор рук у инженера Ли Чена. Все списывали на стресс, на замкнутость пространства.

Потом участились случаи внезапной агрессии. Механик, чинивший систему вентиляции, без причины ударил коллегу гаечным ключом. Через неделю он умер в конвульсиях, а вскрытие показало массивный некроз тканей мозга.

Тревога превратилась в панику, когда симптомы проявились у 30% колонии. Это была не болезнь. Это был тихий саботаж изнутри.

- Симптомы фазы 1: Рассеянность, эмоциональная лабильность, нарушение мелкой моторики.
- Симптомы фазы 2: Паранойя, галлюцинации, мышечные спазмы.
- Симптомы фазы 3: Кататония, отказ органов, смерть от «отказа» дыхательного центра.

За десять лет погибло 247 человек — почти половина колонии. Они умирали тихо, в своих каютах, их мозг постепенно превращался в пористую, бесполезную губку.

Доктор Кроу, отчаявшись, приказала сжечь все посевы «красного риса» и перейти на исключительно земные гидропонные культуры. Но люди продолжали умирать. Токсин, если это был он, уже был в них.

Я Горжусь тем, что именно моя дочь, Каори Танака нашла разгадку, хотя она была лишь студенткой и ей была 20 лет. Она одна из немногих, кто оставалась относительно здоровой. Каори изучала образцы тканей погибших и сравнила их с образцами выживших, включая мои и свои.

Различие было фундаментальным.

У всех колонистов, ступивших на планету, в спинномозговой жидкости присутствовал чужеродный агент. Ни бактерия, ни грибок. Вирус. Но не земной. Его структура была аномальной — он встраивался не в ядро клетки, а в митохондрии, энергетические станции организма. Каори назвала его «Сомнус», что с латинского означает «сон».

У погибших титр «Сомнуса» был низким или нулевым. Их иммунная система, обученная на Земле, видимо, успешно подавила вторжение в первые дни.

У выживших — вирус был в высокой концентрации. Он стал частью их метаболизма.

Каори, рискуя жизнью, провела эксперимент на себе. Она выделила чистую культуру «красного риса» и проанализировала её на атомном уровне. И нашла то, чего не видели грубые спектрографы: в тканях растения присутствовал местный изотоп элемента таблицы Менделеева — «Катализатор-Икс», стабильный только в условиях высокого инфракрасного фона планеты.

В человеческом организме, при температуре 36.6°C и земном метаболизме, Катализатор-Икс вступал в реакцию с нейромедиаторами. Результат — синтез «нейротоксина Тета», который медленно выжигал синапсы, как кислота выжигает проводку.

И тут её осенило. Она ввела образец нейротоксина Тета в клеточную культуру, заражённую вирусом «Сомнус». Вирус активировался. Его ферменты, словно молекулярные ножницы, расщепили токсин на безвредные компоненты, которые затем выводились почками.

Вирус не был болезнью. Он был ключом.

Он был частью местной экосистемы — симбионтом, который эволюционировал, чтобы защищать своих носителей от ядов родного мира. Погибли те, чьи тела отвергли симбиоз. Выжили те, чьи тела заключили негласный договор.

Глава III ДОГОВОР СО ЗВЕЗДОЙ

Мне говорили, что моё открытие - настоящая революция. Я и моя команда (те, кто нёс в себе «Сомнус») начали намеренно инфицировать оставшихся здоровыми колонистов ослабленным штаммом. Процесс был тяжёлым — лихорадка, галлюцинации, недели глубокого сна. Но те, кто проходил через это, выздоравливали. Нейротоксин переставал их убивать.

Но вирус вносил свою цену. Побочный эффект симбиоза — глубокая связь с циклом планеты. В периоды снижения инфракрасного излучения (начало «зимы»), метаболизм носителей замедлялся. Они испытывали непреодолимую сонливость, вялость. Тело требовало покоя.

После одного из тяжелых дней я почти уснула, как кто-то услышала, как муж положил кружку с горячим кофе на мой стол.

- Спасибо большое! Ты мой спаситель.

Это ты спасительница. Для всех нас.

Майк, перестань! - сказала я, отпив тёплую жидкость.

это правда. Над чем работаешь?

Хочу попробовать сделать новый семулятор, против летаргического эффекта вируса.

А может бороться бесполезно? Это не болезнь. Это адаптация. Тело учится консервировать энергию на время ледяного афелия, когда жизнь на поверхности замирала.

Прошло ещё сорок лет. Новое поколение, включая мою дочь, родилось уже с «Сомнусом» в каждой клетке. Для них чередование фаз активности и «споро» (глубокого, почти анабиозного сна) было таким же естественным, как дыхание. Их циркадные ритмы растянулись, синхронизировавшись с 500-дневным годом Афелия. Их культура, их социальные ритуалы, вся архитектура подземных городов — всё было заточено под этот великий, неспешный пульс.

Они перестали быть людьми в старом смысле. Они стали Homo somnoris — Спящими. Они не покоряли свою планету. Они стали её биологическим продолжением, её разумным, дремлющим нервным узлом. Их разум был островом ясности в долгой ночи тела, их сны — может быть, самой глубокой формой познания этого странного мира.

Они даже не подозревали, что вирус-спаситель в их клетках, их великий симбионт «Сомнус» — это письмо. Письмо от давно исчезнувшей цивилизации у чёрной дыры, случайно доставленное на ледяном ядре кометы миллиарды лет назад.

Вселенная не засеивала жизнь. Она рассылала инструкции по выживанию. И на Афелии инструкция №7 гласила: «Чтобы выжить, иногда нужно научиться засыпать».

Понадобились десятилетия, чтобы всё осознать. Катастрофа превратилась в предание, предание — в учебный модуль по ксенобиологии. Трагедия первых колонистов Афелия подарила человечеству нечто бесценное: технологию симбиотической адаптации.

Вирус «Сомнус» оказался не врагом, а ключом — софтом, написанным самой жизнью для выживания в условиях Красного Гиганта. И этот софт научились... перезагружать.

В подземных лабораториях Афелия и на орбитальных верфях Земли генетики создали ингибиторные коктейли — комплекс белков, который «замораживал» активность «Сомнуса», вводя его в состояние спячки. Обратный процесс — активационная сыворотка — будил вирус за несколько недель.

Это открыло эпоху двойного гражданства. Человек, рождённый на Афелии с вирусом в крови, мог лететь на Землю. Перед погружением в криокамеру корабля ему вводили ингибитор. Он прибывал на родину предков чистым от «Сомнуса», его метаболизм ускорялся до земного ритма — и он жил, работал, любил в 24-часовом цикле, не зная о летаргии.

Когда же приходило время вернуться (по контракту, по тоске по медленным ритмам, по наследственным делам), за месяц до прибытия на Афелию вводили активатор. Тело постепенно перестраивалось, вирус просыпался, синтезируя ферменты для нейтрализации местных токсинов и подготавливая психику к долгому сну зимы. Возвращенец не был чужим — он был своим, но с опытом иного времени.

Так началось великое смешение.

Дети от смешанных браков стали нормой. Они рождались либо на Земле (чаще без вируса, но с генетической предрасположенностью к его лёгкому принятию), либо на Афелии (с активным «Сомнусом», но с земной генетикой, смягчающей фазы спора).

· На Земле они могли впадать в короткие, по 12-16 часов, периоды глубокого, восстановительного сна, просыпаясь невероятно отдохнувшими. Их называли «счастливчиками».

· На Афелии их споро было менее глубоким, они сохраняли смутную сенсорную связь с миром — как сквозь толщу воды. Их сны были ярче, иногда пророческими.

Это была не утрата чистоты вида, а его обогащение. Человечество перестало быть монолитом. Оно стало спектром: от чистокровных землян-акселератов, живущих на кофеине и

амбициях, до чистых Споранцев, чьи мысли текли, как холодный мёд, но достигали глубин, недоступных суетливому уму.

Афелий стал не просто колонией. Он стал культурным полюсом, местом паломничества философов, художников, учёных, искавших вдохновения в долгих медитациях зимы. Там рождалась музыка, построенная на 500-дневных циклах, и литература, где сюжет растягивался на поколения.

И тогда человечество, окрылённое успехом, пошло дальше.

Глава IV ПЯТЬ МИРОВ, ПЯТЬ СИМБИОНТОВ: АРХИВ ВИРУСА

Мама нашла вирус. Однако если «Сомнус» был на Афелии, логика подсказывала: другие миры, засеянные теми же ледяными капсулами, могли породить свои формы симбиоза. Мне говорили:

- Кёко! твоя идея сумасшедшая! Но я отстаивала идею о поиске.

Снарядили экспедиции. И нашли.

1. Мир «Зелёного Часа» (Орбита пульсара): Планета, кувыркающаяся в гравитационных потоках, где «сутки» длились 20 минут, а магнитные бури сменялись периодами смертельной радиации. Местная жизнь пряталась в глубоких пещерах. Её вирус-симбионт, «Щит», не вызывал сонливости. Он учил клетки реплицироваться с чудовищной скоростью, мгновенно залечивая радиационные ожоги и повреждения ДНК. Колонисты с «Щитом» были почти бессмертны в плане регенерации, но старели за 30 земных лет, истощив запас клеточных делений.

2. Мир «Багровых Приливов» (Спутник газового гиганта): Планета без тверди, лишь архипелаги в глобальном океане. Местная жизнь дышала сероводородом. Её вирус, «Преобразователь», встраивался в гемоглобин, позволяя крови переносить не кислород, а сернистые соединения. Колонисты могли часами находиться под водой без аппаратов, но на Земле им требовался постоянный прием антидотов.

3. Мир «Хрустальных Лесов» (Планета с кремниевой биосферой): Жизнь на основе кремния, медленная, кристаллическая. Вирус «Мост» учил земные клетки инкорпорировать кремниевые структуры, укрепляя кости и создавая природную биокерамическую броню. Такие люди были невероятно выносливы, но их движения становились чуть более механическими, а мышление — более аналитическим, лишенным спонтанности.

4. Мир «Вечной Зари» (Планета в приливном захвате, одна сторона в вечном дне, другая — в вечной ночи): Вирус «Фотосинтезатор» внедрял в клетки кожи хлоропластоподобные органеллы. Колонисты на светлой стороне могли неделями обходиться без пищи, питаясь светом. Но они избегали тьмы, как смерти.

5. Мир «Поющих Песков» (Планета с экстремально низким давлением): Вирус «Конденсатор» уплотнял ткани тела, позволяя выдерживать почти вакуум. Такие люди на Земле казались тяжеловесами, двигались с усилием, как под водой, зато в открытом космосе могли выживать минутами без скафандра.

Человечество стало каталогизировать и адаптировать эти симбионты. Появились профессии: «Симбио-инженер», «Вирусный дипломат». Можно было собрать генетический про-

фильм «под задачу»: летишь на радиационный мир — активируешь «Щит», на океанический — «Преобразователь».

Казалось, эволюция, которая миллиарды лет работала вслепую, теперь была в наших руках. Мы стали архитекторами собственной биологии. Вселенная открывала нам свои пароли доступа.

А потом мы нашли другие миры.

Глава V

ТРАГЕДИЯ БЕЗ КАТАКЛИЗМОВ

Их было множество. Планеты с идеальными условиями: стабильные звезды, мягкий климат, богатые биосферы. Миры-сады, миры-утопии.

И на всех них жизнь застыла.

Не в буквальном смысле. Она кипела, цвела, эволюционировала. Но никогда не выходила за рамки. Это были планеты вечного Кембрия.

Первой такой мир я и моя команда назвала «Трилобития».

Океаны, тёплые и прозрачные, кишели жизнью. Белый песок просачивался через мои пальцы. Трилобиты всех размеров и расцветок ползали по дну, фильтровали воду, охотились друг на друга. Над ними парили медузообразные существа, а в толще воды сновали стаи слепых, похожих на креветок, существ. Сложность была поразительной. Экосистема — сбалансированной до математического изящества.

Но не было ни рыб. Ни амфибий. Ни растений на суше. Сушу вообще покрывали лишь лишайники и примитивные мхи. Жизнь, достигнув невероятного разнообразия в воде, остановилась. Она нашла совершенное равновесие и замерла в нём на сотни миллионов лет.

Их нашли десятки. «Аннелида» — мир гигантских червей. «Кораллия» — планета-риф. «Радиолярия» — где жизнь существовала только в виде микроскопических лучевиков в верхних слоях атмосферы.

На этих планетах не было массовых вымираний. Не было ледниковых периодов, падений астероидов, всплесков вулканической активности. Не было стресса.

Я помню мой разговор с матерью:

На Земле, пережившей пять великих вымираний, эта картина вызвала культурный шок. Антропологи, палеонтологи и философы выдвинули теорию, которая сперва казалась кощунственной, а затем — единственно логичной.

Мам, хочешь сказать, что разум — не цель эволюции. Это её побочный продукт. Случайность, вызванная серией катастроф?

Вполне может быть, - сказала профессор Танака. - Эволюция на «Трилобитиях» шла путём оптимизации. Каждая ниша была заполнена идеально приспособленным существом. Конкуренция была, но она не приводила к качественным скачкам, лишь к тонкой шлифовке уже существующих форм. Зачем выходить на сушу, если в океане есть всё? Зачем развивать

большой мозг, если инстинктов и простой нейронной сети достаточно для выживания в стабильной среде?

Возможно она была права. На Земле же каждый катаклизм — вымирание ордовика, пермское, мел-палеогеновое — был огненной закалкой. Он стирал с доски господствующие виды, освобождая экологические ниши и создавая безумное, нестабильное давление. В этих условиях выживали не самые специализированные, а самые пластичные, самые способные к обучению, самые параноидально-любопытные. Стресс выковал гипертрофированную нервную систему, способную моделировать будущее, чтобы избегать прошлых ошибок. Страх породил воображение. Боль — эмпатию. Хаос — стремление к порядку, которое мы называем разумом.

Согласно её теории, Вселенная кишит жизнью. Она буквально плещется в каждом тёплом океане. Но эта жизнь в 99.999% случаев — вечные дети. Прекрасные, сложные, совершенные в своей нише, но лишённые трагедии, которая заставляет смотреть в небо и спрашивать «почему?».

Мы, земляне и наши изменённые братья с Афелия и других миров, были не нормой. Мы были патологией. Сбоем в программе. Мутацией, рождённой отчаянием. Разум был космическим неврозом, психическим расстройством материи, возникшим из-за слишком частых ударов судьбы.

Галактика была полна жизнью. Жаль, что это только трилобиты. А мы, с нашими вирусами-симбионтами, нашими подземными городами, нашими кораблями и нашими вечными вопросами, были всего лишь...аномалией. Да, причудливой, возможно, даже прекрасной или даже уродливой, но аномалией.

И в этой тишине идеальных, самодостаточных миров наш сигнал, наш вопрос «Есть тут кто?» звучал не как призыв. Он звучал как крик сумасшедшего в переполненном, но безмолвном саду совершенных, ни в ком не нуждающихся, форм.

Глава VI МИР БЕЗ ЛЁГКИХ: ТЕКСТУРНЫЙ РАЗУМ

Команда Шталя назвали планету Хлория. Не из-за цвета, а из-за избытка хлорида в воздушной взвеси, который придавал небу перламутровое, мерцающее сияние. Планета-сад в чистом виде: тропическая температура постоянная, сезоны выражены лишь сменой направления муссонов, несущих влагу из океанов на единый сверхконтинент. Пока моя команда изучала миры трилобитов, они натолкнулись на этот мир.

Первые дроны передали данные: биосфера не просто богата. Она была сверхнасыщенной. Леса представляли собой многоярусные сплетения лиан, гигантских папоротников и деревьев с фотосинтезирующей корой. Жизнь висела в воздухе — летающие насекомые размером с птицу, аэропланктон, светящийся в сумерках.

Но самое поразительное — отсутствие знакомой иерархии. Не было очевидных верховных хищников или пасущихся стад. Экосистема напоминала гигантский, дышащий единым ритмом организм.

Высадка проходила по стандартному протоколу: роботы-разведчики, затем группа биологов, во главе с Шталем, в защитных костюмах. Первые же часы на поверхности принесли сенсацию. Все сложные животные на планете — от шестиногих травоядных, похожих на оле-

ней с перепончатыми ушами, до стайных, похожих на лис существ — не имели видимых органов дыхания.

Ни ноздрей, ни жабр, ни дыхалец. Вместо этого их кожа была сложной текстурной мозаикой: участки губчатой, пористой ткани чередовались с гладкими, почти зеркальными, и зонами, покрытыми микроскопическими ворсинками. Анализ показал — это универсальный орган. Он осуществлял:

- Газообмен (всасывание кислорода и выделение CO₂ через поры).
- Фотосинтез (в подкожном слое содержались симбиотические водоросли, дающие до 30% энергии).
- Терморегуляцию (изменение текстуры и кровотока).
- Тактильное зондирование (ворсинки улавливали малейшие вибрации воздуха и почвы).

Это была жизнь, отказавшаяся от специализации органов в пользу универсальной, адаптивной границы со средой. Кожа стала всем: лёгкими, глазами (часть участков была чувствительна к свету), ушами, дополнительным желудком.

И среди этих существ были те, кого окрестили «древесными ткачами» — за сходство с приматами по ловкости и социальности. Они жили в сплетённых из лиан и живых ветвей «городах» на вершинах деревьев.

Из дневника доктора Шталя:

Наблюдение за «ткачами» перевернуло все представления о разумной деятельности. У них не было инструментов в нашем понимании. Они не высекали огонь, не ковали металл. Их манипуляции с миром были биохимическими и экосистемными.

Оружие второго порядка: Феромонные ландшафты

Конфликты между кланами «ткачей» не начинались со стычек. Они начинались с изменения запаха территории. Одна группа, используя секреты специальных желёз, начинала метить границы смесью феромонов, вызывающей у другой группы тревогу, дезориентацию, а в высокой концентрации — временный паралич. Это была не атака на тело, а атака на восприятие. Враг не мог войти на отравленную территорию, не рискуя потерять волю. Сама среда становилась враждебной.

Оружие третьего порядка: Управление хищниками

Но настоящий ужас (и восхищение) вызвало наблюдение за крупным межклановым конфликтом. Одна группа, оттеснённая к болотистой низине, начала... менять состав местной флоры. Они разносили споры специфического гриба, который вступал в симбиоз с корнями ядовитых растений, усиливая их токсичность в десятки раз. Затем они приманивали туда стаи летающих существ, питающихся этими грибами. Поев, те становились агрессивными и начинали целенаправленно атаковать представителей враждебного клана, узнавая их по кожному паттерну. Это была уже не просто биологическая война. Это было тактическое проектирование пищевой цепочки против конкретного врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.